

Эстер Хансон

(род. в 1919 г.)

Из кн. Eesti rahva elulood. Ч.1. Таллинн, 2003.

Перевод Инны Теплицкой

Родом я из Тарту, день рождения – 31 июля 1919 г. Тогда нашу фамилию писали – Кляс. Я звалась так до замужества. Позже написание этой фамилии, в зависимости от того, как ее воспринимали на слух соответствующие служащие и по их усмотрению, менялось несколько раз. На самом деле, настоящая наша фамилия – Гласс.

Отец мой занимался торговлей лесоматериалами. У нас была симпатичная квартира на ул. Эра. Отец увлекался выращиванием роз, у него был сад необыкновенной красоты. Мой брат, Давид Клас, старше меня на два года, был очень красивый мальчик. К сожалению, его больше нет с нами, он умер от тяжелой болезни 12 лет тому назад.

У нас было счастливое детство. Мама не работала. Она была способная женщина и мечтала об учебе в университете, но папа был против. Мама самостоятельно изучила французский язык, много читала и занималась самообразованием. Она и детям хотела дать хорошее образование. Еще совсем маленькими детьми мы с няней разговаривали по-французски. В 6-летнем возрасте я начала учиться игре на фортепиано. Учителем моим был известный в то время в Тарту г-н Якобсон. Брат тоже учился игре на фортепиано, но, в отличие от меня, он это не принимал всерьез.

Мои родители решили провести одно лето в Германии. Мы поехали в Шлахтензее, местечко, расположенное недалеко от Берлина. Место это было живописным, люди – доброжелательными. Маме так понравилось в Германии, что она решила

пожить там дольше. Отец организовал наш переезд в Берлин и снял в центре города меблированную квартиру. Вещи наши остались в Тарту. Кстати, когда мне посчастливилось побывать в Западном Берлине в 1989 г., я нашла дом, в котором мы тогда жили.

В Берлине мы с братом учились в школе. Сначала это была так называемая «народная школа», в которой были странные правила. Некоторые учителя били детей, что мне показалось страшным. До сих пор у меня перед глазами маленькая девочка, получившая от учительницы затрещину за то, что вышла узор недостаточно красивыми стежками. От сильного удара девочка упала.

Мне поначалу в школе было трудно, потому что наш прибалтийский немецкий язык, на котором мы говорили дома, очень отличался от государственного немецкого, используемого берлинцами. С пятого класса меня перевели в другую школу - лицей. К этому времени я уже привыкла к немецкой школе. В лицее были симпатичные учителя, никто детей не бил. Особенно мне запомнилась учительница английского языка, которая дала мне хорошие базовые знания, помогающие мне и поныне.

Берлинский период интересен тем, что там мы часто ходили в театр и на концерты. Я очень расстроилась, когда однажды отец сказал, что нам пора уехать из Берлина и вернуться в Эстонию. Но отъезд был неизбежен, так как в Германии поднимали голову нацисты, и евреям жить там становилось опасным. Непрерывно происходили стычки между нацистами и коммунистами, на улицах шумели и дрались. Был 1931 год.

Мама не хотела возвращаться в Тарту, и мы поехали в Таллинн. Наша первая квартира там была на ул. Татары. Так как я не говорила по-эстонски, я вынуждена была поступить в немецкую школу. В еврейскую гимназию меня бы тоже не приняли, хотя я имела некоторые знания иврита и иудейской религии от частного учителя – раввина. Но их оказалось недостаточно. Сначала мама хотела отдать меня в немецкую школу для детей знатных балтийских немцев, но меня туда не приняли как еврейку. Тогда мы отправились в немецкую женскую гимназию, находящуюся в старом деревянном доме на ул. Кентмани. Директор сказал, что очень рад моему приходу, так как я смогу научить школьниц берлинскому произношению. На самом же деле это я снова начала говорить с балтийским акцентом.

Продолжила я и музыкальные занятия, сначала с частными учителями, затем – в консерватории. К поступлению туда меня подготовил брат композитора Артура Лемба – Теодор Лемба. К сожалению, я ему не нравилась, и общая работа у нас не складывалась. В консерватории же я попала к очень хорошему учителю – профессору Антропову-Хершельманну, он сам меня выбрал. С большой симпатией вспоминаю и тогдашнего директора консерватории Юхана Аавика, он всегда ставил мне хорошие оценки. В гимназии и консерватории я училась одновременно. Папа говорил, что я везде оказываюсь одновременно.

Меня все звали Фирой, даже сейчас в балетной школе меня зовут Фирочкой. Это – сокращенная русская форма имени Эстер – Эсфирь.

Я была достаточно способной ученицей и успешно училась в обоих учебных заведениях.

По возвращении в Эстонию я сразу начала изучать эстонский язык. Меня обучала очень хорошая молодая учительница по фамилии Витран. Недавно я прочитала в газете, что ее брат был известным ученым. Так что речь шла об интеллигентной

семье. В летнее время с нами выезжал на дачу другой частный учитель эстонского языка.

Немецкая гимназия со своим немецким духом перестала мне нравиться. Я чувствовала, что господствующие там настроения становятся мне противны. Конечно, на меня повлияло то, что становилось известным о происходящем тогда в Германии – о приходе к власти Гитлера, о кампаниях против евреев и т.д. Я кончала гимназию. У нас преподавала молодая учительница Розенфельд, недавно побывавшая в Германии и говорившая об увиденном с восхищением. Она считала невозможным относиться к этому прохладнее. Наш директор, преподававший историю, был родственником известного нацистского преступника, гитлеровского идеолога Розенберга. Но директор был осторожен. Он был глубоко верующим человеком. На одном из уроков истории он неожиданно сказал, что то, что Гитлер убивает евреев – большой грех. Позднее он, как и все немцы, уехал из Эстонии. Но я его запомнила как честного человека.

Когда на выпускном экзамене нужно было написать сочинение, я просто не в состоянии была изложить свои мысли, и мне позволили воспользоваться помощью учителя с условием, что я соглашусь за это на тройку по немецкому языку. Так и получилось. Но мне все это было безразлично. Я сказала в школе, что уезжаю в Палестину, и меня больше не волнует, что в дальнейшем случится с моими гимназическими подругами и учителями. Но я никуда не уехала, Папа не разрешил.

Примерно в это время у меня началась несчастная любовь. Я была очень несчастна. Чтобы как-то отвлечь меня, мои родители послали меня в Париж к дяде, маминому брату. Поездка эта была мне как бы в утешение.

Я жила в Париже 4 месяца. Очевидно, если бы не началась война, я бы осталась жить во Франции, так мне там нравилось. Из-за Парижа у меня осталась незаконченной консерватория, что мне тогда тоже казалось неважным. С началом войны я попала в тяжелое положение. Я не была гражданкой Франции, и это грозило мне высылкой в лагерь. Гитлеровские войска приближались к Парижу. Я должна была срочно решать, что делать. Родственники советовали мне ехать домой. Граница между Францией и Германией уже была закрыта. Эстонское посольство в Париже дало мне денег на дорогу. Через несколько месяцев моему отцу посчастливилось вернуть эти деньги посольству.

Мне удалось как-то уехать в Бельгию, где жила моя сестра с двумя маленькими детьми. Они вместе с еще шестью членами нашей семьи погибли в концлагерях. Из Бельгии я хотела через Швецию попасть домой. Но шведский консул заподозрил меня в намерении остаться жить в Швеции и не давал мне разрешения на выезд из Бельгии в Швецию. Моя тетя встала перед консулом на колени... Так трудна и унижительна была судьба евреев в то время.

В Швеции мне посчастливилось попасть на последний пароход в Эстонию. Это маленькое судно «Калевипоэг» было буквально набито людьми. В море гремел шторм, я была, очевидно, единственным пассажиром, не страдавшим от морской болезни. Я грызла шоколад и любовалась волнами. В Таллиннском порту меня ждали родители. Мама думала, что с борта корабля сойдет худенькая пассажирочка. А я была загоревшая и упитанная девица, одетая в плиссированную юбку. Мама же обычно запрещала надевать то, что полнит. Моя семья сразу меня даже не узнала. Папин сослуживец сказал – «Смотрите, это же наша барышня», а мама ответила, что этого не может быть, это не наша Эстер. Я сразу же завела разговор с родителями о необходимости быстро уехать отсюда. Папа ответил, что

факт моего приезда из Парижа еще не значит, что я самая умная. Никто меня не принял всерьез. Мне казалось, что Эстония как бы спала. Все чего-то ждали и надеялись на возвращение прежней жизни.

Пошла в консерваторию. Мой любимый учитель Антропов-Хершельманн, к сожалению, уехал. Уроки мне давала Анна Клас. Она была моей последней учительницей музыки.

Я полностью посвятила себя игре на фортепиано. Над городом уже летали вражеские самолеты, а я все упражнялась и упражнялась. Брат на меня кричал – война началась, а ты все бренчишь!

В 1940 г. скоропостижно умер наш отец. Были большие похороны. Друзья семьи завидовали – папа спокойно умер в своем доме, в кругу своей семьи. Некоторые говорили, что это ему посчастливилось. Евреи не хотели из-за войны в Европе ехать в Россию, но и не осмеливались остаться ждать прихода немцев. Большинство наших друзей погибло. Несколько человек из самых состоятельных спаслись в Швейцарии. Когда война пришла в Эстонию, мы с мамой решили эвакуироваться в Россию. Брат не мог с нами ехать, так как мужчины призывного возраста обязаны были остаться, чтобы защищать Таллинн от немцев. Когда я сказала в консерватории, что решила уехать в Россию, мне дали письменное направление в Ульяновск. Мама знала, что это сравнительно большой город на Волге и, конечно, там будут хорошие условия жизни.

Мы выехали 3 июля 1941 г. и были в пути несколько недель. Когда мы, наконец, прибыли в Ульяновск, нас попросили остаться на своих местах и сообщили, что повезут дальше. Я видела в окне вечерние огни города, но поезд все ехал и ехал без остановок. В этом же поезде была Анна Клас с родителями и сыном Эри. Наконец, нас выгрузили из эшелона в небольшом поселке Увелька Челябинской области. На перроне стояли бабуси в платках, они знали, что мы из Эстонии, они для нас натопили бани. Я никогда в бане не была и спросила, как ею пользоваться. Одна из бабушек обещала научить.

Моя энергичная мама сразу пошла в отдел образования и предложила свои услуги в преподавании языков. Ей дали место учителя в школе поселка Пласты. Он находился на несколько сот километров восточнее Увельки. Там нам дали комнату с плитой. Потом нам показали, где находится лес, сказали, что все деревья наши, и мы должны сами заготовить дровами. Мама нашла нам в помощь старика.

Когда мама отправилась в магазин за продуктами, ее приняли за сумасшедшую. Она попросила взвесить ей сахара, масла и хлеба, а также что-нибудь на хлеб. Она не могла осознать, что в магазине не было ничего. В первую зиму с едой было особенно трудно. Но никто нас не оскорблял и нам не угрожал. Брат, догоняя нас, в это время уже приближался к Уралу. Во всех местах, которые мы проезжали, мы оставляли для него на почте сообщения о том, куда движется эшелон. Так он нас и нашел. До его мобилизации на фронт мы жили вместе. Давид оказался под Великими Луками, там его тяжело ранили. Он попал в Москву в госпиталь имени Бурденко, там ему сделали тяжелую операцию. При выписке из госпиталя врач посоветовал ему жить спокойно, найти жену с коровой и пить много парного молока. Спокойно жить он не умел. Он поехал в Челябинское летное училище, он хотел стать летчиком. По состоянию здоровья его туда не приняли, но работу при училище дали.

Анна Клас жила от нас в пяти километрах. Она получила из Ярославля вызов на работу в Эстонский художественный ансамбль. Меня она попросила вместо нее

стать концертмейстером в организованном ее отцом хоре. По вечерам в темноте мне приходилось одной возвращаться с работы домой лесом. Там были большие золотые и платиновые прииски, и публика, соответственно попадалась самая причудливая. Но я не боялась.

Потом я узнала, что Эстонскую молодежь приглашают в учебный комбинат г. Егорьевска для получения разных профессий. Я решила учиться кулинарному делу, подумала, что повар голодным никогда не будет. Но наши занятия так и не начались. У других учеба шла полным ходом, а нас посылали то на картошку, то мыть окна, то шить тапочки. А учебы все не было. Так как Егорьевск был недалеко от Москвы, мы стали ездить туда в театры и на концерты. Нам в Эстонском представительстве давали контрамарки, видимо, больших начальников, живших в Москве, культурные мероприятия мало интересовали. В свободные вечера я играла в общежитии на пианино, а наши курсанты танцевали.

Однажды меня пригласили в Эстонское представительство. Оказалось, что нужен секретарь-переводчик. Я к этому времени уже хорошо говорила по-русски, а эстонский и немецкий языки я тоже знала. Меня назначили секретарем к низкорослому русскому господину Копыркину. Он явился с большой сигарой в зубах, ошупал меня взглядом и дал добро – приступить к работе. Я должна была ходить с ним всюду и переводить, что нужно. Вообще-то он работал в министерстве нефтяной промышленности и отвечал за обеспечение эстонских предприятий, а затем и всей Эстонии, нефтяными продуктами. Копыркин пригласил меня в гости к себе домой. У него была молодая русская жена, и даме было одной дома скучно. Я иногда к ним ходила. Стол у них был таким богатым, как в лучшие мирные времена.

В 1944г. мы через Ленинград перебрались ближе к Эстонии. Когда Красная армия освободила Выру, нас сразу послали туда, и мы там ждали, когда очередь дойдет до Таллинна. Мы ехали в Таллинн в открытом автомобиле, а на обочинах дороги валялись трупы...

Я знала, что мой дядя, дедушка Эри – наш единственный родственник, оставшийся в Таллинне – погиб в концлагере. Идти мне было некуда. Я спала в креслах дворца Тоомпеа. На следующий день Копыркин поручил мне найти квартиру. Мама после смерти отца купила маленький домик в Кивимяги. Поехала посмотреть, цел ли он. В поезде мне повстречалась женщина, объяснившая мне, какое страшное здесь было время, как все друг на друга доносили и т.д. Позднее выяснилось, что эта дама была женой Феликса Моора. Их дочь стала учиться в нашей балетной школе.

В Кивимяги наш дом сохранился. Но в нем жили люди, которые тут же стали поносить евреев – вот, снова они появились и выбрасывают жителей из домов.

Что-то они вроде пытались от меня скрыть, но меня не волновало исчезнувшее имущество. Честно признаюсь, что поначалу чувствовала себя в Эстонии неуверенно. Меня преследовали изучающие и подозрительные взгляды. На улицах на меня оборачивались. Когда я была в тылу, я мечтала пойти в Таллинне в кафе. Когда я зашла в кафе Фейшнер, официантка одарила меня взглядом, как бы спрашивая – откуда ты сюда приползла? Я вошла в аптеку на ул. Суур Карья. За прилавком стоял тот же провизор, что и до войны. Он посмотрел на меня с испугом и выронил из рук склянку. Все это показалось мне невыносимым. У меня началась глубокая депрессия. Я никого не хотела видеть, боялась людей, их враждебности. Какое-то время я даже провела в больнице.

Когда я поправилась, я поселилась вместе со своей сослуживицей, а по возвращении мамы с братом мы какое-то время жили на ул. Поска. Потом мама в газете нашла объявление, что человек, живущий на ул. Роозикранци, готов обменять свою квартиру на маленький дом в Нымме. Мама предложила наш домик, в котором никто из нас жить больше не хотел. Обмен состоялся. Мы перебрались в квартиру, в которой долго жил г-н Константин Сави, сценический партнер актрисы Мильви Лайди. В этой квартире я живу с 1945 г. по сей день.

После работы у Копыркина я была переводчицей у одного директора, чеха по национальности. Вскоре в его фирму привезли на работу пленных немцев. Мне сказали, что даже, если мне это неприятно, мне предстоит быть переводчицей у немецкого руководителя работой. Я познакомилась с немецким офицером, назначенным на эту должность. Передо мной извинились, что за столом мы с ним будем сидеть рядом, и я должна при необходимости ему все переводить.

Никогда не забуду нашу первую встречу, Как только он вошел, и мы окинули друг друга взглядом, я почувствовала, что мы как бы родственники. В нем было что-то необъяснимо знакомое. Он был интеллигентен, вел себя как настоящий офицер. Он просил, чтобы я ему приносила русские книги – он хотел изучить русский язык.

Мы были в хороших отношениях, совместная работа удавалась. Через несколько недель он попросил у меня прощения за все, что его народ сделал с моим народом. Он просил прощения... Этот немецкий офицер получил позже право свободно передвигаться по городу. Конечно, пленные должны были каждый вечер присутствовать на перекличке. Сначала с этим офицером по городу ходил русский сержант, приводивший его в лагерь, находившийся где-то в конце ул. Маакри. Моему немецкому другу все же удавалось порой приходить ко мне в гости. Потом выяснилось, что кто-то увидел в окно, как немецкий офицер зашел к нам. Моему брату сказали, что я сошла с ума – встречаюсь с убийцей евреев, и меня за это надо сослать в Сибирь. Обошлось увольнением с работы. Но я не отступилась. Узнав, что немцев водят на работу в здание на ул. Сакала, где сейчас театр Баскина, я отправилась туда и снова встретила своего друга. Вскоре мне посчастливилось в этом же здании получить работу концертмейстера культурного центра. Снова я была рядом с другом. Он познакомил меня с пленным немцем, который до войны танцевал в балете.

Вскоре мне предложили работу в Балтийском армейском ансамбле, и я начала играть пляски да частушки. В военно-морском ансамбле я аккомпанировала на рояле в нескольких классических балетных номерах. Позднее этот ансамбль перевели в Литву. Я получила новое предложение. К нам домой внезапно ворвалась Анна Экстон и объявила, что ей срочно нужен концертмейстер в новую, только создаваемую балетную студию. Был январь 1946 г. Я начала работать в студии, помещавшейся тогда при театре «Эстония». Вечерами же играла в маленьком оркестре, образованном из музыкантов, работающих на радио. Мы сопровождали представления русского театра военно-морского флота, побывала даже на гастролях в Кронштадте.

Немецкие пленные в это время уехали, и с ними мой друг Он приходил попрощаться со мной и сделал мне предложение. Что я могла ему ответить? Он попросил нас с руководителем хора дать для немецких пленных прощальный концерт. Мы согласились это сделать при условии, что он будет тайным. Концерт прошел в том зале, где сейчас выступает труппа Баскина. Мой друг сидел в первом

ряду с грустными глазами... Я больше никогда с ним не встретила. Он был родом из-под Йены. У них там было поместье. Мама его была окулистом, отец – фабрикант. Они остались в русской зоне оккупации, так как ждали возвращения из плена своего сына. Я от него из Германии не получила ни одного письма. Он уехал и исчез. Мне сказали, что он мне посылал письма, но до меня они не доходили.

Играя на рояле на репетициях, я обратила внимание на симпатичного мужчину, который часто стоял недалеко от моего инструмента. Часто я его видела на тех улицах, по которым ходила. Его звали Анатолий Хансон. Прошел первый выпуск в балетной студии. На курсе не хватало мужчин, и мой будущий муж – тот самый скромный почитатель – был приглашен в качестве балетного партнера. Мы познакомились ближе. Во время первого выпуска балетной студии у него начался роман с Юлле Улла, и они поженились. Этот брак продлился несколько лет. После их развода наши отношения возобновились. Вскоре мы стали жить вместе. Так прошло 13 лет. После смерти мамы мы должны были официально зарегистрировать наш брак из-за боязни потерять права на квартиру. К сожалению, мой муж умер.

Я продолжала работать в балетной студии, а затем – в балетной школе. Я работаю там по сей день. Думаю дотянуть до весны 2000 г. Я была аккомпаниатором для сотен учеников – Тийю Рандвийр и Хельми Пуур, Юлле Улла и Майре Лооренц, Юри Ласса и Тийта Харма. Я играла для Кайе Кырб даже на Всесоюзном конкурсе. Очевидно, я была концертмейстером почти у всех учащихся балетной школы. Бывший наш ученик Ермаков сейчас танцует главные партии в Цюрихе. Аге Отс и Томас Эдур работают в Лондоне, двое способных мальчиков – в Америке, Норрас, хороший эстонский танцор сам занимается постановками балетов, два наших выпускника работают в Бельгии. Наши ученики – во всем мире.

Теперь я старший представитель нашей семьи. Очевидно, я единственная родственница Эри Класа, которая еще живет в Эстонии. Дедушка Эри и мой папа были братьями. Эри – милый и хороший человек. Мы очень держимся друг за друга. После смерти моего мужа, Эри стал мне самым близким человеком.

Я хожу на работу каждый день. Рабочий день мой в «Эстонии» начинается с урока в 8.45. Там у нас 8 мальчиков, их учитель Юри Михеев. Урок длится два академических часа. Затем у меня репетиции в Тоомпеа по танцам – историческому, народному, классическому и др. После этого – еще репетиции.

Я всегда повторяю, что я – счастливый человек. Я уже не молода, но могу еще работать, чувствую, что окружающие ко мне относятся с любовью. Балет – тяжелая работа, но мне она нравится, я люблю быть нужной людям.